

Старший полицейский знал Чэнь Суфэнь. Увидев её, он не подошёл ближе, лишь пожал плечами и вернулся на своё место.

Ли Чжэн всё ещё был в защитном скафандре лаборатории. Скафандры Лаборатории Ли Чжэна закупались по самым высоким международным стандартам, их изоляционные свойства были намного выше, чем у белых халатов врачей больницы Мэри.

— Входите, старый Сюй пока ещё в сознании, — сказала Чэнь Суфэнь, не придавая никакого значения надежде, о которой говорила Ван Цзин. Врачи, работающие на передовой клинической практики, лучше других знали, насколько страшна синегнойная палочка. Она позвала Ли Чжэна и остальных только ради того, чтобы старый Сюй смог в последний раз увидеть коллег и любимого ученика.

В палате Сюй Миншэна уже было много людей: молодым было по двадцать с небольшим, старшим — за сорок. Молодой человек, не достигший и тридцати, с печальным лицом сидел у изголовья кровати Сюй Миншэна. Завидев вошедших Ли Чжэна и его спутников, он произнёс:

— Папа, дядя Чжао и остальные пришли.

Это был сын Сюй Миншэна, Сюй Кэцян, аспирант Гарвардской медицинской школы.

— Старый Сюй! — несколько профессоров подошли ближе.

В палате раздались один за другим приветствия — видно было, что все эти люди были учениками Сюй Миншэна.

Ли Чжэн подошёл, поставил в сторону термосумку и взял историю болезни Сюй Миншэна, висевшую в ногах кровати.

В записях о приёме лекарств чётко видно, что Чэнь Суфэнь перепробовала на Сюй Миншэне все доступные антибиотики, но хорошего эффекта это не дало.

Высокая температура вызвала у Сюй Миншэна обезвоживание и затруднённое дыхание, ждать больше было нельзя.

— Старый Чжао, на этот год я подал заявку на грант, разделите его между собой. Только запомните: ни в коем случае не позволяйте администрации забрать его обратно! И уж тем более не отдавайте его старикам с гумфака! — голос Сюй Миншэна был слаб, высокая температура лишила его сил.

— Что за чушь ты несёшь! Ты с таким трудом выбил финансирование, сам и трать. А если нам не хватит, мы сами отнимем его у стариков с гуманитарного факультета, к чему тут твоя скромность, — ответили профессора. На их лицах не промелькнуло ни тени печали, словно это был самый обычный разговор между коллегами.

Услышав это, Сюй Миншэн повеселел, он весело посмотрел на всех.

— Всё ещё со мной церемонитесь.

Взгляд скользнул к Ли Чжэну, и лицо Сюй Миншэна озарила добрая улыбка.

— Хороший парень, я тобой горжусь. Хотя, если честно, я тебя ничему не научил, но всё равно я горжусь.

Ли Чжэн почувствовал, как пересохло в горле. Он сделал два шага вперёд.

— Учитель, раз вы знаете, что ничему меня не научили, может, вам стоит задуматься и в будущем постараться найти что-то, чему вы могли бы меня научить.

— Учитель, я выделил совершенно новый антибиотик. В биологических тестах он показал эффективность против синегнойной палочки, но на людях ещё не испытывался.

В палате тут же зашуршали возгласы удивления. Ученики Сюй Миншэна, хотя многие и покинули медицину, сохранили базовые профессиональные знания. Новый антибиотик?

Все взгляды невольно обратились на прославленного «младшего брата».

Чэнь Суфэнь сначала замерла, затем вспомнила уверенные слова Ван Цзин, сказанные вечером, и сердце её забило где-то в горле.

— Новый антибиотик, эффективный против синегнойной палочки? — Чэнь Суфэнь дрожащими руками приняла от Ли Чжэна пачку документов. Но по мере того как она изучала данные, свет в её глазах постепенно мерк.

Экспериментальные данные Ли Чжэна, честно говоря, выглядели не лучшим образом. Если судить по этим цифрам, токсичность выделенного им антибиотика была слишком высока, и он совершенно не подходил для лечения людей.

— Сяо Чжэн, спасибо тебе, но твой карбапенемовый антибиотик ещё требует доработки, — даже в такой ситуации Чэнь Суфэнь сохраняла достоинство и мягкость, свойственные образованной женщине.

— Учительница... — он подбирал слова. Если бы это был кто-то другой, Ли Чжэн не сказал бы ни слова больше. Но перед ним был Сюй Миншэн, его признанный учитель.

— Учитель, учительница, я уверен на восемьдесят процентов, — сказал Ли Чжэн. Это была максимальная гарантия, которую он мог дать.

В медицине и фармации из-за специфики профессии ни врачи, ни провизоры никогда не дают гарантий пациентам или их семьям. Чаще всего они говорят: «Я сделаю всё, что смогу». Потому что жизнь слишком тяжела, чтобы нести ответственность за неё врачу или кому-либо ещё.

Эти слова, которые кажутся родственникам больных отговоркой, на самом деле являются защитой для самих врачей. С того самого дня, как Ли Чжэн в прошлой жизни ступил на порог биофармацевтики, его наставники настойчиво прививали ему эту мысль.

«Никогда не давай никаких гарантий, если нет стопроцентной уверенности!» — эти слова ещё звучали у него в ушах, но Ли Чжэн всё же заговорил:

— Молекулярная структура карбапенемов очень стабильна, а нефротоксичность можно снизить до приемлемого для организма уровня вспомогательными препаратами. Самое главное — синегнойная палочка чувствительна к нему. Учитель, я знаю, что, возможно, в ваших глазах я ставлю эксперимент на вашей жизни... но... — Ли Чжэн никогда не считал себя краснобаем, и в порыве волнения ему было трудно выразить мысли.

На лбу выступили капли пота. Этот гений фармакологии, проживший две жизни и вознесённый

многими на пьедестал, сейчас полностью утратил свою обычную рассудительность и спокойствие.

Профессора смотрели на него с влажными от слёз глазами, они прекрасно понимали, на какой риск пошёл Ли Чжэн, сказав это.

Чэнь Суфэнь тоже была тронута. В её сердце шла жестокая борьба между разумом врача и чувствами жены умирающего человека. Профессиональная этика кричала, что нельзя вводить больному препарат, не прошедший клинические испытания. Но её муж умирал. Как и те пациенты в изоляторе, после заражения резистентным штаммом, высокой температуры и обезвоживания его органы начали отказывать. Времени у него оставалось мало!

Возможно... этот карбапенемовый антибиотик и вправду творит чудеса!

Сюй Миншэн из-за жара уже пребывал в спутанном сознании, в ушах шумело. Хоть Чэнь Суфэнь ничего не говорила, Сюй Миншэн, сам врач из клиники, понимал: столько антибиотиков, а ноль эффекта. Он подхватил резистентный штамм, причём мультирезистентный, не чувствительный ни к одному из существующих на рынке антибиотиков.

Перед лицом близкой смерти Сюй Миншэн не мог понять, что чувствует. Возможно, температура была слишком высокой, и у него просто не было сил думать.

В полудреме он услышал, как Ли Чжэн говорит о резистентных штаммах и антибиотиках, и дух его воспрянул.

— Данные по резистентным штаммам? Дайте посмотреть! — Сюй Миншэн помнил, что работа над резистентными штаммами была сделана лишь наполовину. Нет, вернее, он подготовил предварительные материалы и завершил начальный этап.

Исследовательский азарт, охвативший старика, словно прояснил его затуманенный жаром разум. Он изо всех сил попытался приподняться.

Сюй Кэцян, увидев это, поспешил подложить подушку под спину отца.

Он принял документы от Ли Чжэна:

— Старый Чэнь, дай мне очки.

Чэнь Суфэнь косо посмотрела на него, но всё же подала очки с тумбочки.

Сюй Миншэн листал страницу за страницей, то хлопая в ладоши, то смеясь. Только он не знал, что окружающим слышно, с каким трудом ему даётся этот смех. Сюй Кэцян и остальные ученики слушали и краснели от удерживаемых слёз.

Дочитав до последней страницы с данными биологических испытаний карбапенемового антибиотика, Сюй Миншэн замолчал на минуту, затем повернулся к Чэнь Суфэнь:

— У тебя есть бланк согласия на клинические испытания? Дай мне.

Чэнь Суфэнь побледнела.

— Ты с ума сошёл! Ты разве не видел данные? Меньше тридцати процентов — это вообще не стандарт для клинических испытаний! Даже если ты подпишешь согласие, оно не будет иметь

силы!

<http://bllate.org/book/17704/1653502>